

ISSN 0042-8779

ДВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

1

2016

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1/2016

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- С.Е. Фёдоров** — Что скрывалось под понятием «аристократия» в XVII в. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- М.В. Ковалёв, В.С. Мирзеханов** — Давид Давидович Гримм 19

ПУБЛИКАЦИИ

- В.Л. Ченакал** — Оптические инструменты Симона Плёсла в России в первой половине XIX века. Публикацию подготовила **Е.М. Лупанова** 34

СООБЩЕНИЯ

- Г.Н. Ульянова** — Верхние торговые ряды на Красной площади в Москве в XIX — начале XX в. 49
- М.С. Шаповалов** — Еврейский вопрос в британском парламенте в 1900—1917 гг. 76
- К.Б. Назаренко** — Административная система Русской Финляндии в 1760—1810-е гг. 86

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- А.В. Збоев** — Позиции стран Антигитлеровской коалиции по вопросу о бомбардировках Болгарии в 1943—1944 гг. 96

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- А.Н. Нестеренко** — Ложные нарративы биографии Александра Невского в отечественной историографии 103

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- И.В. Обьедков** — Алексей Алексеевич Брусилов и его учеба в Пажеском корпусе в 1867—1872 гг. 115

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А.Н. Еремеева** — Курортные проекты Кубанской области и Черноморской губернии военного времени (1914—1917 гг.) 132

- Ф. Бахшалиев** — Образование русских поселений в Азербайджане и их дальнейшая судьба 142

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- О.В. Серова** — Отношения России со Святым Престолом в XIX в. 148

ИСТОРИОГРАФИЯ

- В.В. Суховерхов** — История Испании. От войны за испанское наследство до начала XXI века 162

- О. Нагорная** — В.А. Ватлин. Советское эхо в Баварии. Историческая драма 1919 г. в шести главах, пяти картинах и двадцати документах 168

- А.А. Митрофанов** — Э. де Варескель. Фуше: молчание спрута 169

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Ложные нарративы биографии Александра Невского в отечественной историографии

А.Н. Нестеренко

Аннотация. В работе разбираются основные мифологемы, связанные с именем Александра Невского. Автор доказывает, что вопреки распространенным в отечественной историографии гипотезам, Мстислав Удалой не мог быть дедом Александра Ярославича; ярл Биргер не был ранен в Невской битве; Тевтонский орден не принимал участия в Ледовом побоище; Житие Александра Невского написано после открытия мощей князя и принятия решения о его канонизации не ранее 1380 г., а не в XIII в.; мощи Александра Невского не сохранились, так как погибли при пожаре во Владимире в XV веке.

Ключевые слова: нарратив, Александр Невский, Невская битва, Ледовое побоище, Житие Александра Невского, ярл Биргер, канонизация святых в русской православной церкви, Мстислав Удалой, Тевтонский орден.

Abstract. In the article understand basic myths associated with the name of Alexander Nevsky. Author argues that, contrary to common hypotheses in the national historiography, Mstislav the Bold could be the grandfather of Alexander Yaroslavich; Birger Jarl was not wounded in the Battle of the Neva; Teutonic Order did not participate in the Battle on the Ice; The Life of Alexander Nevsky is written after the discovery of the relics of the prince and the decision on his canonization not before 1380, and not in the XIII century; relics of Alexander Nevsky were not preserved because were killed in a fire in Vladimir XV and others.

Key words: the narrative, Alexander Nevsky Battle of the Neva, Battle on the Ice, The Life of Alexander Nevsky, Birger Jarl, the canonization of saints in the Russian Orthodox Church, Mstislav the Bold, the Teutonic Order.

Над отечественной историографией довлеет многовековой государственный и церковный культ святого благоверного князя Александра Невского, увенчавшийся реинкарнацией его в качестве «Имени России»¹. Подобное идеологическое давление негативно влияет на научную дискуссию вокруг личности Александра Ярославича. Примером догматического подхода может служить статья В.В. Долгова

Нестеренко Александр Николаевич — кандидат философских наук, доцент Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (МГТУ). E-mail: rockwool@list.ru.

Nesterenko Alexander N. — candidate of philosophical science, associate professor of Bauman Moscow State Technical University (BMSTU). E-mail: rockwool@list.ru.

«Александр Невский» в журнале «Вопросы истории» №10 за 2015 г., в которой воспроизводятся основные мифологемы этого метафизического нарратива.

Одна из таких распространенных мифологем — не подтвержденное фактами и источниками утверждение о том, что матерью Александра Ярославича была дочь князя Мстислава Удалого. Доктор исторических наук Долгов, говоря о втором браке Ярослава Всеволодовича с дочерью Мстислава Удалого утверждает, что «дата заключения брака в летописи не упомянута. О ней можно судить лишь косвенно»². На самом деле это не так. «Летописец Переяславля Суздальского» сообщает, что брак Ярослава с дочерью Мстислава был заключен в 1213 году. Там же названо имя княгини — Ростислава³. Согласно Жития, мать Александра зовут не Ростислава, а Феодосия⁴. Казалось бы, это однозначно означает, что речь идет о разных людях. Но в отечественной историографии это противоречие объясняют тем, что Феодосия — это крестильное имя Ростиславы, не пытаясь обосновать, почему только ей одной выпала честь быть названной в Житии под крестильным именем. Впрочем, и эта умозрительная сентенция не подтверждается фактически: крестильное имя Феодосии — Ефросинья, под которым она, по сообщению новгородского летописца, и была похоронена в Свято-Юрьевом монастыре Новгорода⁵.

Исходя из ложной посылки о том, что дата заключения брака не известна, Долгов пишет, что матерью Александра была дочь Мстислава Удалого. То, что Ярослав вынужден был вернуть жену тестю, автор обосновывает тем, что «невеста была передана жениху незадолго до Липицкой битвы, и брак не был заключен положенным образом. Иначе, возвращение Мстиславу дочери вряд ли было возможно»⁶. Видимо автор предполагает, экстраполируя реалии сегодняшнего дня на средневековье, возможным то, что супруги могли жить «во грехе», без обряда венчания. Но и эта посылка ложна: Татищев сообщает о том, что этот брак был освящен Церковью, то есть заключен должным образом⁷.

Все эти схоластические рассуждения призваны доказать, что именно дочь Мстислава была матерью Александра и объяснить, почему у супругов не было детей до расторжения брака после Липицкой битвы (1216 г.). Мог ли Мстислав Удалой вернуть дочь Ярославу Всеволодовичу через какое-то время после Липицкой битвы, как это предполагает Долгов? С уверенностью можно сказать, что нет, и вот почему: Мстислав по своей инициативе расторг брак своей дочери с Ярославом Всеволодовичем, инкриминировав ему то, что он обращался с ней не как с княжной, а как с рабой, а не по причине «политических противоречий», как полагает Долгов⁸. При таких обстоятельствах даже не испытывающий особой любви к своей дочери отец вряд ли счел бы возможным вернуть ее в рабство, а Мстислав, судя по его заботе о дочери, был отцом, горячо ее любящим. Более того, источники не сообщают о каких-либо признаках налаживания отношений зятя с бывшим тестем, которые косвенно могли бы свидетельствовать о том, что Мстислав вернул свою дочь Ярославу. Об отсутствии такого примирения свидетельствует и то, что Ярослав не откликнулся на призыв бывшего зятя принять участие в походе против татар в 1223 году.

Надо отметить, что еще в царской России было установлено, что матерью детей Ярослава Всеволодовича была его третья жена, кото-

рая, возможно, являлась рязанской княжной⁹. Но этот факт по каким-то иррациональным причинам советских и российских историков не устраивает. Так, Долгов ссылается на статью В.А. Кучкина, в которой версия Н.А. Баумгартена «была подвергнута основательной критике»¹⁰. Критика Кучкина, на наш взгляд, безусловно, представляет собой новое слово в научной методологии. Поэтому остановимся на его аргументах в пользу того, что Феодосия была не рязанской княжной, а дочерью Мстислава. Главный его довод заключается в том, что княгиня «никакого интереса к Рязани... не проявляла», что, в свою очередь, обосновывается тем, что она подолгу жила в Новгороде и даже была там похоронена. «Полное равнодушие матери Александра Невского к Рязани», считает Кучкин, и «говорит, что она не была рязанской княжной, а была дочерью князя Мстислава Мстиславича»¹¹.

Применение методики Кучкина позволяет совсем по-другому посмотреть на обстоятельства отцовства Ярослава Всеволодовича. То, что два первых брака Ярослава были бездетными, указывает на то, что князь испытывал проблемы с продолжением рода. То, что в третьем (или даже четвертом, по версии Татищева) его браке дети стали появляться с завидной регулярностью, заставляет задаться вопросом о том, был ли Ярослав биологическим отцом своих детей?¹² О том, что он им не был, может свидетельствовать то обстоятельство, что Ярослав не испытывал к ним ни малейшей любви. Разве любящий отец стал бы посылать малолетних сыновей в такое беспокойное место как Новгород, из которого они неоднократно вынуждены были, натерпевшись страху, в тайне ото всех, ночью бежать? Разве любящий отец своего первенца, которому по определению, как наследнику, достается большая толика отцовской любви, похоронил бы его вдалеке от дома, в Новгороде, а не в Переславле?¹³

И в заключении, чтобы восстановить историческую справедливость в вопросе о том, могла ли быть Ростислава Мстиславовна матерью детей Ярослава Всеволодовича, отметим следующее важное обстоятельство. Как пишет Долгов «издревле церковные правители запрещали браки до шестой степени включительно»¹⁴. В 1250 г. брат Александра Андрей Ярославович женился на дочери Даниила Галицкого¹⁵. А Даниил был женат на дочери Мстислава Удалого Анне¹⁶. Следовательно, женой Андрея стала внучка Мстислава Удалого. Но если мать Андрея — дочка Мстислава Удалого, то брак Андрея и Анны (внука Мстислава на его внучке) не разрешила бы Церковь, так как между ними была четвертая степень родства. Если брак Андрея на дочери Даниила Галицкого состоялся, то из этого следует, что Андрей, как и Александр и другие дети Ярослава Всеволодовича не были внуками Мстислава Удалого.

Остается загадкой, почему советские и вслед за ними российские историки с таким упорством отстаивают умозрительную гипотезу о том, что матерью Александра была дочка Мстислава¹⁷. Можно подумать, что это родство — основная причина приписываемых Александру многочисленных достоинств и заслуг и, если бы он не был внуком Мстислава, то не смог бы выполнить приписываемую ему грандиозную историческую миссию¹⁸. В результате складывается впечатление, что для обоснования мифа об Александре Невском настолько не хватает фактического материала, что его апологетам при-

ходится брать на вооружение даже столь неубедительные, с точки зрения академической науки, доводы.

Далее Долгов переходит к описанию Невской битвы. По его мнению, «... непосредственным повествованием о Невской битве является сообщение Новгородской Первой летописи старшего извода, составленное современником по горячим следам»¹⁹. Долгов предполагает, что убедительным доказательством этого тезиса является то, что летописец «приукрашивает» описываемые события²⁰. В действительности, это говорит об обратном. Как новгородские, так и владимирские летописи отличаются крайней лаконичностью и скупостью в описании батальных событий, ограничиваясь использованием стандартных формулировок и не позволяя себе литературных отступлений, выходящих за рамки фактических обстоятельств дела. Можно привести тому многочисленные примеры, но ограничимся одним: описанием Ледового побоища в Лаврентьевской летописи. «Великий князь Ярослав послал сына своего Андрея в Новгород Великий в помощь Александру на немцев и победив их за Псковом на озере и в плен многих взяв возвратился Андрей к отцу своему с честью»²¹. Почему же именно в случае с Невской битвой у летописца вдруг возникает «наивное стремление приукрасить битву»? Не потому ли, что это описание есть не что иное, как литературный вымысел, написанный почти через столетие после событий 1240 года?²² Одна из особенностей рассказа летописца о Невской битве — большое число фактических ошибок. Д.Г. Линд полагает, что это обусловлено тем, что данное сообщение дошло до нас в редакции 1320—1330 гг., когда многие факты были забыты, а реалии изменились. К примеру, Швеция и Норвегия находились под управлением одного короля. Поэтому летописец и включил в состав шведского войска норвежцев²³.

Некритическое отношение Долгова к описываемым событиям приводит его к парадоксальному утверждению о том, что «в значении» Невской битвы «для древнерусского общества», не может быть сомнения, что отражается «в создании огромного количества текстов» об этой битве²⁴. Как огромное количество текстов про Александра Ярославича вообще и Невскую битву в частности, которые стали появляться в отечественной историографии начиная с XIX в., могут свидетельствовать о значении этой битвы для древнерусского общества, Долгов не поясняет. Для ее современников, учитывая тот факт, что рассказ о Невской битве в НПЛ датируется первой половиной XIV в., она осталась незамеченной. Придворная владимирская летопись в погодной записи про события 1240 г. о победе сына владимирского князя на Неве не сообщает, отмечая только два значимых для древнерусского общества события: взятие татарами Киева и рождение у Ярослава дочери Марьи²⁵. Даже два века спустя после Невской битвы новгородский летописец не называет Александра Ярославича «Невским». Для составителя родословной великих князей Руси, помещенной в НПЛ младшего извода, Александр известен не как Невский, а как Храбрый²⁶. Это свидетельство того, что Невская битва не рассматривалась современниками и ближайшими потомками как важное событие даже в биографии самого Александра, не говоря уже о «древнерусском обществе».

Еще один миф, воспроизводимый Долговым, повествует о том, что шведами на р. Неве руководил сам ярл Биргер, который постра-

дал в поединке от богатырской руки Александра, получив ранение в голову. При этом ни в летописи, ни в Житии об участии Биргера в сражении не говорится²⁷. Долгов в подтверждение тезиса о том, что Биргер участвовал в Невской битве, ссылается на некие исследования останков ярла, проведенные неназванными авторами в 2002 году. Согласно им, «его [Бирегра] череп нес следы ранения: надбровная дуга над правой глазницей рассечена». Такая локализация раны «прямо соответствует тексту “Жития” о ранении Александром вражеского предводителя»²⁸. Данную сентенцию Долгов почти дословно заимствует из такого «авторитетного научного источника» как русскоязычная «Википедия»²⁹. Для сравнения, в шведской «Википедии» нет упоминания ни об исследовании останков ярла в 2002 г., ни о его ранении, ни о поединке с Александром, ни о Невской битве³⁰.

Научному сообществу указанные результаты исследования останков Биргера не известны. В 2010 г. реконструкцию по черепу Биргера, используя методы криминалистики и компьютерную графику, сделал шведский художник и скульптор Оскар Нильссон (Oscar Nilsson)³¹. Никаких дефектов черепа Биргера он не обнаружил. Зато установил, что у ярла был изношен позвоночник, что обусловлено тем, что ему приходилось много времени проводить в седле³².

Следующий миф, который ретранслирует Долгов, — утверждение о том, что Житие «было составлено (и это важно помнить) современником событий»³³. Данное утверждение автор даже не пытается хоть как-то обосновать. Откуда известно о времени написания Жития, и почему его, не утруждаясь поиском доказательств, приписывают «современнику событий»? То, что Житие написано современником событий, — главная аксиома в нарративе Александр Невский. Именно на этом фундаменте строится демифологизация агиографического текста Жития, который, с точки зрения науки, не может выступать источником фактической информации, но, за неимением летописных источников, используется именно в этом качестве. Однако анализ позволяет установить, что Житие создано намного позднее, чем это принято утверждать в отечественной историографии. Апология того, что автор Жития является свидетелем описываемых событий, основывается на его утверждении, что он «самовидец возраста» Александра. Но, почему-то, при этом упускают из вида, что он в той же фразе пишет, что его рассказ основывается на воспоминаниях старшего поколения: «слышал от отцов»³⁴. Можно ли понимать буквально утверждение автора Жития о том, что он очевидец описываемых событий? Согласно канону, Житие святого не может быть написано до того, как герой Жития был официально признан святым. Александр Невский был канонизирован в качестве местночтимого святого после 1380 г., когда были открыты его чудотворные мощи, что является необходимым условием для канонизации³⁵. Из этого следует, что Житие написано в конце XIV в., более чем столетие спустя после смерти Александра Ярославича, когда ни одного из очевидцев событий середины XIII в. давно уже не было в живых. Первая известная редакция Жития содержится в Лаврентьевской летописи, созданной как раз в эти годы.

О том, что Житие писал человек из другой эпохи, свидетельствует большое количество содержащихся в нем ошибок, которые мно-

жаты от редакции к редакции. Уже первая редакция Жития сообщает о всемирной известности Александра, который превосходил своими выдающимися достоинствами всех известных земных владык, уже до Невской битвы³⁶. Однако в придворной владимирской летописи до 1242 г. Александр упоминается всего один раз³⁷. НПЛ упоминает Александра до событий 1240 г. только трижды. В первый раз под 1228 г., когда Ярослав, оставив сыновей Федора и Александра в Новгороде под присмотром бояр, удалился с женой в Переславль. Под 1236 г. сообщается о том, что Ярослав из Новгорода ушел на киевский престол, оставив на княжении Александра. И третье упоминание повествует о женитьбе Александра в 1239 году³⁸. Можно ли на основании этих летописных свидетельств говорить о широкой известности Александра даже в пределах Владимиро-Суздальской Земли?

О том, что автор Жития — книжник, живший намного позже описываемых событий, свидетельствует сравнение синодального списка Новгородской первой летописи с текстом Жития: летописцу детали Жития неизвестны, а автор Жития знаком с летописным свидетельством. В.О. Ключевский отмечает, что все подробности Невской битвы и Ледового побоища «заимствованы почти дословно» автором Жития из летописи³⁹. В описании Ледового побоища Житие добавляет несущественные детали к свидетельству НПЛ. В описании Невской битвы автор Жития исправляет неточности летописного свидетельства. Так Спиридон, названный летописцем шведским воеводой, становится в Житии Новгородским архиепископом, а о планах захватчиков, которые по летописи странным образом стали известны в Новгороде, по Житию, сообщают сразу два источника: шведские послы и ижорская стража. Таким образом, если НПЛ послужила основой для Жития, то, учитывая тот факт, что часть этой летописи после 1234 г. написана почерком первой половины XIV в., Житие не могло быть написано ранее середины XIV века. Следовательно, все гипотезы, относящие время написания Жития к более раннему времени, не подтверждаются фактически.

Еще один аргумент, говорящий о достоверности повествования Жития, по мнению Долгова, заключается в том, что в его сюжете «нет ничего невероятного или даже экстраординарного»⁴⁰. Так ли это? Ограничимся только примерами из описания Невской битвы в первой редакции Жития по Лаврентьевской летописи. Действительно, что может быть экстраординарного в том, вражеский предводитель вел себя неадекватно («шатаясь безумьем»). Объявив противнику о своих намерениях напасть на него, шведы вместо того, чтобы приступить к исполнению своего замысла, встают лагерем за пару сотен километров от цели своего похода и ничего не делают. Они не предпринимают никаких мер защиты от возможного нападения ими же предупрежденного врага. По всей видимости, «захватчики» даже не преступили границ Господина Великого Новгорода⁴¹.

Конечно же, нет ничего экстраординарного и в том, что Александр, для которого эта битва была, по словам Долгова, «боевым крещением», побеждает в поединке опытного вражеского полководца и силами одной «малой дружины», не дожидаясь помощи ни от новгородцев, ни от отца, наносит сокрушительное поражение значительно превосходящему по численности («силе великой») войску скандина-

вов. Нет ничего невероятного и в том, что сброшенный при попытке верхом заехать на шведский шнек в воду Гаврила Олексич не был придавлен лошадью, не утонул под тяжестью доспехов и не был убит врагами, которые должны были воспользоваться его беспомощностью в этот момент. Гаврила не только благополучно выбрался на берег, но и неуязвимым прошел сквозь ряды врагов, чтобы продолжить битву в самом центре сражения, где, не успев даже обсохнуть, в сапогах полных воды, вступил в схватку с вражеским воеводой. Ну и уж совсем нет ничего экстраординарного в том, что после сражения на другом берегу реки Ижоры было найдено «многое множество избитых ангелом Господнем» врагов ⁴².

Одним из открытий Долгова является утверждение о том, что «обнаружение десанта, судя по всему, было делом счастливого случая» ⁴³. Однако Житие сообщает о шведском посольстве, прибывшем в Новгород с целью передать вызов Александру ⁴⁴. О каком же тогда «счастливом случае» говорит автор, если шведы сами все рассказали Александру о своих планах и о том, что они уже преступили к их реализации?

Описывая другой важнейший миф о Ледовом побоище, Долгов, следуя сложившемуся в отечественной историографии ошибочному утверждению о существовании «Ливонского ордена», повторяет мифологему о том, что этот Орден составлял «костяк сил», которые сражались с русским войском в битве на льду озера ⁴⁵. Описывая события войны 1240—1242 гг., он постулирует ложный и ничем не обоснованный вывод о том, что «Знакомая со школьных уроков истории схема без особого труда выдерживает деконструкцию нарратива» ⁴⁶. Однако историки не считают необходимым деконструировать этот нарратив в силу его очевидного несоответствия фактам.

Ссылаясь на Ливонскую рифмованную хронику (ЛРХ), Долгов пишет: «Понимая, что своими силами ему не справиться, епископ Дерптский обратился за помощью к рыцарям Ливонского ордена» ⁴⁷.

На самом деле ЛРХ описывает данные события ровно наоборот: «суздальский князь Александр» с «русскими из Суздаля» нападает на земли Тевтонского Ордена. Узнав об этом Дерптский епископ «велит мужам епископства» поспешить на помощь Ордену ⁴⁸. Большое количество фактических неточностей, допущенных автором хроники, служит одним из подтверждений того, что Орден не участвовал в отражении нападения на Дерптское епископство в 1242 году. Для зарубежной историографии, которая в изучении истории Тевтонского Ордена опирается на «Хронику Пруссии» Петра Дусбургского, в которой «события в Лифляндии не были удостоены упоминания даже в примечании, где были отмечены всеобщие мировые события», это является доказанным фактом ⁴⁹. Следуя данной традиции, в зарубежной историографии, посвященной Тевтонскому Ордену, события в Ливонии не рассматриваются ⁵⁰. Таким образом, если Тевтонский Орден и участвовал в Ледовом побоище, то это участие сводилось к тому, что «какое-то число тевтонских рыцарей присоединилось к преследованию отступающих войск Александра» ⁵¹.

«Немцы начали битву таранным ударом свиньей» — еще одно расхожее заблуждение ⁵². То, что глубокий строй всадников, «свинья», действует на поле боя как таран, — не более чем фантазия. В

действительности при таком построении в бою могут принимать участие только те всадники, которые находятся в переднем ряду, то есть абсолютное меньшинство. Стоящие за ними воины не только не способны оказать помощь тем, кто впереди, а наоборот, мешают маневру и создают давку. Более того, глубокое построение кавалерии невозможно по определению, так как в ходе атаки лошади задних шеренг не станут давить на передних лошадей, а если всадники попытаются их заставить, то это приведет к полному хаосу в рядах атакующей кавалерии, и она сама станет легкой добычей противника. Чтобы этого не произошло, «клин» при приближении к противнику должен был развернуться в линию. Только так максимальное количество тяжеловооруженных всадников могло одновременно вступить в бой и нанести наибольший урон противнику, в то же время лишая его возможности ударить по флангам атакующих. Поэтому построение «клином» необходимо только для сближения с противником. С его помощью достигается массивность и одновременность удара к тому моменту, когда, приблизившись на минимальное расстояние к вражеским боевым порядкам «клин» разворачивается в атакующую конную лаву. Если бы атака рыцарской конницы начиналась сразу развернутой линией, то вместо организованного удара рыцари рассеялись бы по всему полю боя. В результате тяжеловооруженные всадники, хаотично и беспорядочно перемещающиеся по полю, из грозного противника превращались бы в легкую добычу для простых крестьян, вооруженных дальнобойными луками, и терпели бы поражение за поражением от пешего городского ополчения, встречающего закованных в броню всадников в плотном строю, ошестинившись длинными копьями. Или становились бы добычей легкой кавалерии, атаковавшей одинокого всадника со всех сторон, расстреливая его издалека из луков.

У «клина» было и еще одно очень важное достоинство: узкий фронт. Ведь, когда отряд рыцарей медленно, «шаг за шагом», приближался к врагу, он становился великолепной мишенью для лучников. А при построении «клином» целью вражеских стрелков оказывалось только несколько всадников в самом надежном защитном снаряжении. Остальных можно было поразить только малоэффективным неприцельным навесным огнем.

Таким образом, рыцарский клин, «кабанья голова», предназначался только для сближения с противником, а никак не для атаки и тем более не для «таранных ударов», как это полагает Долгов.

Анализируя вопрос отношений русских князей с папским престолом, Долгов пишет о том, что в отличие от Даниила Галицкого, «пустота обещаний папы стала понятна Александру на более раннем этапе. Это уберегло его от напрасных надежд и попыток получить военную помощь в обмен на религиозную зависимость»⁵³. Оставим в стороне вопрос о том, чем зависимость Русской Церкви от Византийского патриарха была предпочтительнее зависимости от римского понтифика. Представление о том, что Даниил вел переговоры с Римом о получении королевского сана в надежде на военную помощь против Орды, демонстрирует полное непонимание некоторыми историками политологических оснований политики русских князей в первые годы после нашествия Батыя. Ни Даниил, ни Александр не искали в переговорах с Римом помощи против Орды, потому что призна-

ние вассальной зависимости от Орды давало им значительные преимущества и поэтому было выгодно. Они не только не были противниками Орды, но использовали ее в своих корыстных политических интересах, направленных на укрепление личной власти. обстоятельный анализ подлинных мотивов ордынской политики русских князей на примере Даниила Галицкого дал Н.И. Костомаров. «Подчинение хану, хотя, с одной стороны, унижало князей, но зато, с другой, укрепляло их власть. Хан отдавал Данилу, как и другим князьям, земли его в вотчину. Прежде Данило, как и прочие князья, называл свои земли отчинами, но это слово имело другое значение, чем впоследствии слово вотчина. Прежде оно означало не более, как нравственное право князя править и княжить там, где княжили его прародители. Но это право зависело еще от разных условий: от воли бояр и народа, от удачи соперников, в которых не было недостатка, от иноплеменного соседства и от всяких случайностей. Князья должны были постоянно беречь и охранять себя собственными средствами. Теперь князь, поклонившись хану, передавал ему свое княжение в собственность как завоевателю и получал его обратно как наследственное владение, он имел право на покровительство и защиту со стороны того, кто дал ему владение. Никто не мог отнять у него княжения, кроме того, от кого он получил его. Соседний князь не отваживался уже так смело, как прежде, выгонять другого князя, потому что последний мог искать защиты в сильной Орде. Князья становились государями»⁵⁴.

Номинальное признание власти не только Орды, но и Ватикана было для Даниила важно именно для укрепления своей личной власти, так как в Галицко-Волынской Руси ориентированное на Польшу и Венгрию боярство имело большой политический вес. С самого младенчества Даниил был вынужден вести непрерывную борьбу с могущественным боярством за право утвердиться в качестве наследника Романа Мстиславовича. Перед Александром такой проблемы не стояло, поскольку ориентированного на Запад боярства в Залесской Руси не было, а власти князя угрожали только другие князья, претендовавшие на его место. Поэтому признание папской власти для Александра не несло никакой выгоды. Наоборот, оно было вредно, так как могло привести князя к конфликту с православной церковью. Другие гипотезы, объясняющие мотивы отказа Александра от союза с Римом, — не более чем литературные фантазии, не имеющие ничего общего с реальной политикой, главной задачей которой является удержание власти любыми средствами.

Небезынтересны рассуждения Долгова о мощах князя. О гибели мощей («и тело князя великого Александра Невского згоре»), по мнению Долгова, сообщает Никоновская летопись⁵⁵. В действительности это делает не только Никоновская летопись (а, если быть до конца точным, ее шесть списков: Акад. 14, Обол., Акад. 15, Арх. 2, Пуб. (Строг.) и Троицк.), но и Воскресенская (Пражский и Карамзинский списки): Софийская I; Львовская; Ермолинская; Типографская⁵⁶. С одной стороны, Долгов считает, что сообщения о том, что мощи уцелели, являются «поздней вставкой»⁵⁷, с другой, — утверждает, что «его [Александра] мощи сохранились»⁵⁸.

При этом Долгов высказывает сожаление, что внешность князя не была восстановлена по методике М.М. Герасимова, потому что

это «проблематично»⁵⁹. В чем же заключается проблема, и почему Герасимов не потрудился восстановить внешность одного из главных персонажей отечественного исторического пантеона, Долгов умалчивает. На самом деле, если даже согласиться с тем, что чудесным образом открытые накануне Куликовской битвы в Рождественском монастыре г. Владимира нетленные мощи князя действительно существовали в природе, то сейчас их нет. И это научный факт, установленный в результате вскрытия раки с мощами Александра Невского в 1919 году. В ней было обнаружено «12 небольших костей разного цвета (то есть от разных мощей — А.Н.) и конверт с пеплом»⁶⁰. Именно поэтому внешность Александра Ярославича восстановить невозможно.

Можно было бы отметить еще много характерных для отечественной историографии ложных нарративов, но позволим себе подвести итог.

Жрецы исторической памяти с упорством, достойным лучшего применения, пытаются превратить заурядного представителя своей эпохи князя Александра Ярославича в сакрального носителя «цивилизационного кода», поступают вопреки императиву, высказанному их кумиром: «Не в силе Бог, а в правде»⁶¹. Видимо, в данном случае, прагматика личных интересов диктует необходимость принять альтернативную парадигму: сладкая ложь лучше горькой правды.

Примечания

1. URL.: <http://www.nameofrussia.ru>.
2. ДОЛГОВ В.В. Александр Невский. — Вопросы истории. 2015, №10, с. 18.
3. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 45. М. 1995, л. 539.
4. Лаврентьевская летопись (ПСРЛ). Т. I. Л. 1926—1928, л. 168.
5. «Преставилась княгиня Ярославля в монастыре святого Георгия принявши монашій чин и положена была возле сына своего Фёдора ... и наречено было имя ей Ефросинья». ПСРЛ. Т. III. М.-Л. 1950, л.167об.—168.
6. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 18.
7. «Но о княгине своей Ярослав просил Мстислава и всех князей, чтоб от него ее не брать. Но Мстислав никак на то склонен быть не хотел, а усиленно требовал дочери, сказав Ярославу: «Не по достоинству будет тебе княжескую дочь женою иметь, поскольку ты, забыв к ней в церкви данное при браке обещание, имел ее не как жену, но как рабу, и из-за наложниц она унижена. И раз ты мне и ей своей данной клятвы не сохранил, того ради она уже от клятвы своей свободна». «И так принужден был Ярослав жену отдать тестю со всем ее имением». ТАТИЩЕВ В.Н. Собрание сочинений. Т. IV. М. 1995, с. 351.
8. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 18.
9. БАУМГАРТЕН Н.А. К родословию великих князей Владимирских, Мать Александра Невского. В кн.: Летопись Историко-родословного общества в Москве. М. 1908, вып. 4 (16), с. 21—23.
10. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 35.
11. «Известно также, что жена Ярослава Всеволодовича, мать его сыновей, охотно гостила вместе с мужем в Новгороде, подолгу жила там одна, постриглась в Юрьеве монастыре, там скончалась и там была похоронена. Никакого интереса к Рязани она не проявляла». КУЧКИН В.А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси. В кн.: Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции. Новгород. 1996, с. 7—8.
12. Татищев предполагает, что дочь Мстислава была третьей женой Ярослава. Первой была дочь князя Бориса полоцкого, а второй — княжна половецкая. ТАТИЩЕВ В.Н. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 4. М. 1995, прим. 434, с. 458.

13. «В том же году представился еще молодой князь Фёдор, сын Ярослава... и положен был в монастыре святого Георгия». НПЛ, л. 117.
14. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 17.
15. Лаврентьевская летопись, л. 166.
16. Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. СПб. 1908, стб. 732.
17. Необходимо отметить, что некоторые авторитетные советские историки придерживались гипотезы Баумгартена. Например, В.П. Пашуто: «...Ярослав вновь женился. Его женой стала Феодосия Игоревна — внучка вероломного князя Глеба Владимировича». ПАШУТО В.П. Александр Невский. М. 1974, с. 10.
18. По словам митрополита Кирилла, Александр Невский «...боролся за национальную идентичность, за национальное самопонимание. Без него бы не было России, не было русских, не было нашего цивилизационного кода». URL.: <http://www.nameofrussia.ru/video.html?id=3125>.
19. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 21.
20. «Но само это наивное стремление самими простыми средствами приукрасить битву является свидетельством близости автора сообщения к произошедшим событиям». Там же, с. 21.
21. Лаврентьевская летопись, л. 164об.—165.
22. А.Н. Насонов установил, что в НПЛ события после 1234 г. написаны почерком первой половины XIV века. НАСОНОВ А.Н. Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов. М.—Л. 1956, с. 5.
23. ЛИНД Д.Г. Некоторые соображения о Невской битве и ее значении. Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб. 1995, с. 48.
24. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 22.
25. «Родилась у Ярослава дочь и была названа в святом крещении Марья. Того же лета татары взяли Киев и Святую Софию разграбили и все монастыри, а людей от мало до велика убили мечем». Лаврентьевская летопись, л. 164об.
26. В родословных великих князей Руси, помещенных в комиссионном списке НПЛ младшего извода (приложение два), середины XV в. Александр называется Храбрым четыре раза: л. 7, 11об., 15—15об., а Невским — всего один раз и то не в качестве самостоятельного прозвища, а вместе с эпитетами «великий» и «храбрый» (л. 11об.). ПСРЛ, т. III.
27. НПЛ называет по имени павшего в бою шведского воеводу Спиридона. Житие никаких имен не называет, говоря об участии в битве некоего «короля части Римской полуношной стороны» и «королевича». НПЛ, л. 126об. Лаврентьевская летопись, л. 168—169об.
28. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 22.
29. URL.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Биргер>.
30. URL.: https://sv.wikipedia.org/wiki/Birger_jarl.
31. URL.: <http://www.medeltidsmuseet.stockholm.se/utställningar/Museet/birger-jarls-ansikte>.
32. URL.: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=3616756>.
33. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 23.
34. Лаврентьевская летопись, л. 168.
35. По сложившейся в православной церкви традиции, Житие пишется только после обретения нетленных чудотворных мошей и принятия решения о канонизации. Такая последовательность документально прослеживается в случае с канонизацией Анны Кашинской (ум. 1368 г.). Ее нетленные моши были обретены в 1649 году. Основанием для официального освидетельствования ее мошей стало то, что у гроба княгини произошло 8 чудес исцелений. В 1650 г. Анна Кашинская была официально канонизирована. Тогда же был создан первый вариант Жития Анны Кашинской.
36. Житие сообщает, что «один из именитых людей Западной страны, желая видеть Александра как царица Савская царя Соломона», сообщает что «пройдя страны и народы не видел подобного Александру царя среди царей ни князя среди князей». Лаврентьевская летопись, л. 168об.
37. Там же, л. 164.
38. НПЛ, л. 105об., 120, 126.

39. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. Русская история. Т. 4. М. 2001, с. 528.
40. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 23.
41. Ближайший к месту шведского стояния на р. Неве новгородский форпост на о. Ореховый был основана только через восемьдесят три года — в 1323 году. В том же году был заключен первый договор, официально устанавливающий границу между новгородскими и шведскими владениями, по которому устье реки Невы стало принадлежать Новгороду.
42. Лаврентьевская летопись, л. 169об.
43. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 24.
44. «И приидя в реку Неву, шатаясь как безумный, послал послов, загордясь, к князю Александру в Новгород, рече: “Если можешь противиться мне, то я здесь, уже пленю твою [землю]”». Лаврентьевская летопись, л. 168.
45. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 25—26.
46. Там же, с. 28.
47. Там же, с. 26.
48. Ливонская рифмованная хроника. *Atskanu hronika*. Riga. 1997, стихи 02204—02235.
49. ХЕШ Э. Восточная политика немецкого ордена в XIII веке. В кн.: Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб. 1995, с. 71.
50. В качестве примера можно упомянуть работы D. Nicolle, G. Stair Sainy, X. Бокмана, Э. Машке, Э. Лависса.
51. УРБАН В. Тевтонский орден. М. 2007, с. 65.
52. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 26.
53. Там же, с. 30.
54. КОСТОМАРОВ Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей в 2-х книгах. Книга 1. М. 1995, с. 117—118.
55. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 34.
56. ПСРЛ. Т. X. М. 2000, с. 229. Т. VIII. М. 2001, с. 221. Т. VI. Вып. 2. М. 2000, стб. 330. Т. XX. М. 2005, с. 356. Т. XXIII. М. 2004, с. 188. Т. XXIV. М. 2000, с. 208.
57. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 34.
58. Там же, с. 20.
59. Там же, с. 20.
60. Деяния II Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви». М. 1923, с. 10.
61. Лаврентьевская летопись, л. 168об.